

18+

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ

Чудак — человек

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Валерий Казаков

**Чудак — человек.
Повесть и рассказы**

«Издательские решения»

Казаков В.

Чудак — человек. Повесть и рассказы / В. Казаков —
«Издательские решения»,

В новую книгу Валерия Казакова «Чудак — человек» вошла небольшая повесть о сельском учителе, который, начав работать в школе, никак не может привыкнуть к новым условиям, нормам и правилам окружающей его жизни. Из-за этого он невольно попадает то в смешные истории, то в нелепые обстоятельства. Рассказы Валерия Казакова, вошедшие в эту книгу, с иронией, грустью и юмором повествуют о привычных представителях вятской провинции, их мечтах и реальных возможностях.

© Казаков В.

© Издательские решения

Содержание

Далекий снег	6
Трясина	11
Татьяна	16
Признание	18
Новогод	21
Ах, господи	24
Сколько сможешь прожевать	26
Натурализм	29
Ремесло	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чудак — человек Повесть и рассказы

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2026

ISBN 978-5-0069-9619-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Далекий снег

Сейчас Николай Алексеевич Вяткин часто вспоминает то романтическое время своей юности, когда его душа была отстранена от всего мелкого, житейского и пустого. Когда ему ясно виделись далекие цели, а планы выстраивались так, что с течением времени должны были дать богатые плоды. Его мозг в то время был перегружен разного рода яркими впечатлениями на грани слезного восторга, но поделиться ими почти всегда было не с кем. Все люди кругом казались ему излишне простыми, неспособными углубиться в тайны человеческого духа. Николай не видел равного себе среди своих сверстников и считал, что, наверное, это так и должно быть, потому что он человек исключительный.

Помнится, он в те годы постоянно был в кого-нибудь влюблен. В большинстве своем это были рано созревшие школьные подруги. И только однажды он случайно познакомился с настоящей зрелой женщиной.

Так случилось, что в это время у Николая тяжело заболела младшая сестра, и поэтому он после школы часто заходил в местную аптеку на Советской улице. Аптека располагалась на втором этаже красивого деревянного здания, построенного каким-то известным купцом в восемнадцатом веке. Там был высокий белый потолок, украшенный гипсовой лепниной, яркий свет из окон и своеобразный запах лекарств. Галина Николаевна, так звали молодую симпатичную аптекаршу, обычно появлялась из-за стеклянной перегородки после того, как со скрипом закрывалась входная дверь. Она подходила к маленькому окошечку в нижней части рифлёного стекла и мягким голосом спрашивала:

— Что вам нужно, молодой человек?

После чего впечатлительный школьник Николай непременно терялся и, вынимая из бокового кармана брюк мятый рецепт, неуверенно произносил:

— Вот, тут написано.

— Все то же самое? — с улыбкой спрашивала Галина, читая рецепт.

— Да, то же... то же самое, — краснея, отвечал он.

— Сейчас принесу, подождите немного.

Она, шурша белым халатом, скрывалась за перегородкой, что-то передвигала там, открывала и закрывала, а Николай терпеливо ждал, когда она появится вновь. И это ожидание почему-то было сродни ожиданию чуда. Вот сейчас, вот сейчас она появится снова, и ему будет нужно только поднять на нее глаза, только решиться посмотреть на нее так, как он смотрит на соблазнительных девочек в своем классе. И она все поймет. Его глаза расскажут ей, как он безнадежно влюблен в нее. Его глаза такие большие и такие ясные, что в них нельзя скрыть обожание.

— С вас четыре рубля семьдесят шесть копеек, — звучит голос Галины за стеклом. Николай роется по карманам, спешит и забывает, что деньги во внутреннем кармане пальто, там же, где новая черная авторучка.

— Вы будете расплачиваться, молодой человек?

Николай дрожащей рукой, вспотев от волнения, отдает деньги Галине и, забрав лекарства, направляется к двери. Дверь равнодушно скрипит, открываясь, а Николаю хочется плакать. Он снова не смог поднять глаза на Галину. Он слабый, он нерешительный.

Конечно, Николай не мог тогда предположить, что всего через два с половиной года, в самый канун новогоднего праздника, когда он появится на дне рождения у своего бывшего одноклассника Бори Смагина, там окажется аптекарша Галя, которая сразу же обратит внимание на высокого, очень худого и очень привлекательного юношу. Что в конце декабря вдруг начнется оттепель и от этого у всех присутствующих на празднике будет весеннее настроение. Потом Николай выпьет бокал красного вина, закусит горячими пельменями, и через какое-то

время вся компания выйдет из-за стола на улицу. Кто-то будет кидаться снегом, кто-то смеяться, а он будет смотреть на Галю влюбленными глазами и думать, что настал тот момент, когда может свершиться чудо.

В это время откуда-то сбоку маленький ком снега прилетит ему в ухо, и от этого в голове у него зазвенит, как в пустой морской раковине. Потом захмелевший Борис принесет откуда-то ружье, чтобы выстрелить в воздух восемнадцать раз, соответственно знаменательной дате, но успеет нажать на курок только один раз, после чего его скрутят испуганные соседи. А Николай с Галей в это время почему-то окажутся рядом в тени сенного сарая. Они долго в странном молчании будут смотреть друг на друга. Потом он возьмет ее руку в свою и поднесет к горячим губам. Не поцелует даже, едва прикоснется к её тонким пальцам и ощутит их тепло. И это будет только начало, только первый шаг к настоящему сближению, к настоящей любви. После этого Галя неожиданно приблизится к нему, ее кудри скользнут по его лбу, а влажные губы прильнут к его губам. Галя и Николай не скажут друг другу ни слова, но все будет у них именно так, как он мечтал два года назад. После этого сладкая печать первого поцелуя будет ощущаться Николаем несколько дней. Запомнится ему и влажный сумрак той ночи, и чей-то громкий смех, и звук выстрела, и даже запах сена. Вообще, вся эта ночь будет напоминать Николаю праздничный фейерверк, вся будет казаться необычной. И как-то логически не свяжется с этой ночью то обстоятельство, что объект его первой любви, такая милая и изящная женщина, оказывается, живет на квартире у обыкновенной местной старухи, что она питается вместе с ней и спит на железной кровати возле лестницы ведущей в подвал. Убожество этой комнаты поразило Николая больше, чем ружейный выстрел в ночи. Не верилось, что такая тонкая и своеобразная девушка прожила здесь три года после медицинского техникума.

Когда он впервые зашел в комнату Галины, то долго не мог успокоиться. Ему почему-то казалось, что Галя должна жить иначе. Красочнее и ярче. Ведь у нее такая искренняя и чувствительная душа. А это значит, что она достойна более привлекательного, более приспособленного для проживания молодой женщины жилища. Правда, сама хозяйка квартиры проводила большую часть времени в подвале, где ткала на деревянном станке цветные половики, и поднималась наверх только поздним вечером, неся перед собой керосиновую лампу, отчего ее лицо напоминало Николаю одну из картин Рембрандта, которую он однажды видел по телевизору.

Чтобы не казаться слишком скованным и молчаливым, Николай иногда спрашивал у старухи, как у нее здоровье, сколько половиков она выткала за последнее время. На что старушка с охотой отвечала, что дела у нее сейчас идут неважно, потому что ниток хороших в продаже не стало, но терпение у нее еще есть, есть еще терпение. Она без дела не сидит, хотя уже немолодая. Она с детства приучена трудиться. Потом старушка, вздыхая, проходила мимо, опираясь руками то на стул, то на кровать. Добиралась таким образом до дивана и облегченно располагалась на нем для чтения газет. При этом она как-то особенно шумно разворачивала страницы газеты, кряхтела и охала. Разговаривать при ней в это время было неловко, хотя в доме старухи Галина и Николай и так всегда разговаривали полупшепотом. Старушка уверяла, что очень плохо слышит, но, между тем, когда их разговор касался чего-либо очень личного, можно сказать, интимного, она, не смущаясь, кривила рот в старческой улыбке. Могло показаться, что ветхая с виду старушка прекрасно слышит каждое слово и как раз для этого появляется из своего подвала, а газету держит в руках для отвода глаз. Галя была со старушкой любезна, можно сказать, предупредительна, но за глаза отзывалась о ней нелестно, уверяла, что она может быть и злой, и ехидной, и подозрительной.

В девять часов, перед сном, старушка грела чай, приносила с улицы сливочное масло, с порога (от двери на улицу) — козье молоко. Из старого посудного шкафа вынимала сахар и печенье. Потом приглашала Николая с Галей к столу, жалуясь при этом, что все в России стало сейчас очень дорого, хотя жить пока еще можно, терпение у народа еще есть. На это пригла-

шение Николай обычно отвечал поспешным отказом. Говорил, что уже собрался на улицу и вообще он только что дома поел.

Потом они с Галей выходили на прогулку. На улице первое время Николай чувствовал себя скованно. Говорил мало и путано, потому что не мог до конца расслабиться. Зато Галина не умолкала ни на минуту. Из ее речи становилось понятно, что она в последнее время много читает, что она уже многое повидала в жизни, поэтому ее рассказы казались Николаю интересными. Ему представлялось, что он никогда не научится так красиво и легко говорить, так звонко и правильно произносить слова, так заразительно смеяться. Искусство непринужденного разговора, как искусство плетения корзин, казалось ему недоступным. В это время он искренне завидовал начитанности Галины, ее уму и той изящной непосредственности, с которой она излагала свои мысли. К тому же Галя была красива. Очень красива. Ее густые волнистые темно-каштановые волосы непокорным потоком струились на плечи из-под норковой шапки, щеки горели на ветру ярким румянцем, а большие синие глаза весело и выразительно блестели. Если бы она жила в каком-нибудь большом городе, то вероятно, имела бы массу поклонников. Когда он украдкой смотрел на нее в такие минуты, ему казалось, что она заслуживает более красивой жизни, которую он никогда не сможет устроить для нее. А значит, он ее не заслуживает. Галя во многом если не во всем выше его на голову. Он — невоспитанный, неловкий и скучный, да еще и много моложе ее, а она — удивительная и таинственная. Он — как все. Она — исключение.

Дошло до того, что когда Галя искренне призналась, будто никогда не писала стихов, что не любит ни Ахматову, ни Пастернака, он ей не поверил. Особенно трудно было свыкнуться с тем, что и музыка ее не трогает глубоко, что при всей своей исключительности ничего реально подтверждающего эту самую исключительность в ней нет.

Но, как это ни странно, Николай каждый день открывал в ней что-нибудь новое. То находил, что у нее идеальная фигура и римский профиль. То был удивлен ее памятью, когда она вдруг начинала вспоминать даты каких-нибудь значительных событий из истории России, то — гибкостью ее тела, то детской непосредственностью, то звонким голосом...

Однажды на дискотеке они долго танцевали вместе. Он видел перед собой ее красивое лицо, иногда щекой касался ее волос, которые пахли зимней свежестью и еще чем-то томиительно дорогим, но неуловимым. Ощущал под своими руками ее теплую упругую талию, а вместе с талией каким-то странным образом — все ее тело, слегка покачивающееся в такт шагам, в такт музыке, вслед за мигающими со всех сторон огоньками. И ему казалось, что музыка в тот вечер была волшебная и освещение тоже было волшебным. Что оба они прекрасно выглядят в искрящемся полумраке зала. Вот только во время танца он снова не решился ничего ей сказать. Все хотел наклониться к ее розоватому уху и признаться, что много думает о ней, что долго не может уснуть, но при этом ему ничего от нее не нужно. Совершенно ничего. Он не имеет права чего-либо требовать от нее. Он не заслужил. В этом смысле его любовь трагически чиста и возвышенна, как в той песне, которую поет Евгений Мартынов. У Мартынова все песни такие печальные, как сама жизнь, как истинная любовь. Когда Николай слушает их, у него по спине идут мурашки, а в горле появляется ком. Но это, скорее всего, не слезы, даже не слезный восторг, это какое-то трагическое благоговение. Примерно так же действуют на него песни, написанные на стихи Марины Цветаевой. Он как будто чувствует в них звучание серебряных струн или пение органа — странный, далекий, космический смысл. Некий гул вселенной, странные волны наплывающей вечности, кристальную чистоту горных вершин.

В танце с Галей Николай ощущает себя счастливым человеком. Он такой же, как она. В танце они — одно целое.

Но кончалась музыка, танцующие расходились в разные стороны и, оставшись наедине с Галиной, Николай снова не знал, что ему говорить, как поступить, куда деть свои худые неуклюжие руки. Он чувствовал, что должен как-то развлекать Галину, о чем-то с ней беседовать,

но уже при одном взгляде на нее Николая почему-то охватывал страх, в голове становилось пусто, и он не решался что-либо произнести. Было такое ощущение, будто он боится ее, не может привыкнуть к ее лицу, к ее большим синим, все понимающим глазам. Но однажды он все же набрался смелости и произнес:

— Можно сказать тебе комплимент?

— Скажи, — ответила она.

— Ты самая красивая женщина в этом зале. И самая стройная.

— А хочешь, я тебя удивлю? — продолжала она с улыбкой.

— Удиви, — растерялся он.

— Я знаю об этом.

После её ответа Николай снова надолго умолк, и ему показалось, будто он сказал очередную глупость. Не следовало этого говорить. Это банальность.

В общем, чем больше времени проходило после их знакомства, тем отчетливее в нем прорастало чувство странной обреченности. Да, он очень любит, он обожает свою синеглазую аптекаршу, очень ценит ее снисходительную ласку, он готов слушать ее голос ночи напролет, но, к сожалению, он твердо знает, что она ему не пара. Он ее недостойн. Даже когда звучит музыка и все танцуют, когда в зале пахнет хвоей от новогодней елки и озорные разноцветные огоньки бегут по стенам, даже если все кругом счастливы, — он ее недостойн. Он никогда не сможет сравниться с ней.

Но главная суть даже не в этом. Суть в том, что рано или поздно он ей надоест, и тогда разрыв между ними будет очень горьким, очень обидным и незаслуженным. Пусть лучше произойдет это сейчас, когда все только начинается. Так ему будет легче. Так он сможет быстрее преодолеть свою боль.

И это произошло. Они шли по хрустящей от мороза белой дороге. Они долго молчали и вдруг Галина остановилась, сгребла с невысокого забора мягкий вчерашний снег и смяла его в узкой ладони. Николай увидел, как из гладкого розоватого кулачка Галины беззвучно закапала талая вода. Потом Галя холодно посмотрела в покорные глаза своего юного спутника и со вздохом сказала:

— Вот и пришла холодная зима. Очень-очень холодная зима.

Из ее руки в это время пролилась тоненькая струйка талой воды.

— Сейчас будет только ветер и снег. Только ветер и снег, — продолжила она начатую фразу.

Потом немного постояла молча, бросила остатки снега себе под ноги, спрятала озябшие руки в пуховые варежки и сказала, что ей срочно нужно на вечеринку к старой сотруднице по работе. Там она пробудет совсем недолго, но лучше ее не ждать. На улице холодно. Да к тому же у нее сегодня плохое настроение. Она какая-то сама не своя. Зимой это с ней случается порой, особенно если дует ветер, если ее знобит, как сейчас. И Николай сразу понял, что снег в ее руке — это тот самый знак, которого он так боялся. Она еще ничего не сказала ему, а он уже обо всем догадался... Галя не желает больше видеть его. Он кажется ей таким же холодным, как вчерашний снег.

Больше он к Гале не приходил. Ему было очень горько, одиноко, обидно, но он переборол себя, потому что знал: так надо. Это его судьба. Это его карма. Так должно было случиться. И когда, примерно через год, будучи студентом педагогического института, он случайно встретился с Галей, то снова не решился с ней заговорить, хотя она, кажется, посмотрела на него с явным интересом.

В следующий раз они встретились уже через несколько лет за длинным праздничным столом у общих знакомых. Встретились, надо сказать, совершенно случайно. Она была замужем, он — женат. И разговор у них получился непринужденным и простым, как у зрелых людей, которые кое-что уже понимают во взрослой жизни.

Между прочим, Галина спросила тогда:

— Почему ты больше не пришел?

— А ты ждала? — удивился он.

— Как тебе сказать. Я плохо себя чувствовала в ту зиму. Даже лежала в больнице с воспалением легких... А ты, видимо, нашел себе другую, да?

— Нет, — ответил он.

— Тогда почему не приходил больше?

— А помнишь...

— Что? — попробовала уточнить она.

— Помнишь, ты взяла в руку снег?

— Снег? — переспросила она.

— Да. Снег, — повторил он.

— И что?

— Ты сжала его в кулачке и сказала, что наступила зима. Очень — очень холодная зима...

Помнишь?

— Нет, — чистосердечно призналась она.

— Твоя рука была тонкой, пальцы розовые от мороза. А в глазах... В глазах сквозило равнодушие... Я расценил это как намек на разрыв. Намек на то, что между нами все кончено. Остался только холод.

— И что?

— Я понял...

— Что ты понял?

— Что ты меня больше не любишь, — пояснил он.

— А ты любил меня? — удивилась она.

— Я любил. Я очень любил тебя, — ответил он. — Но большая любовь всегда сковывает.

Мне не хватало смелости признаться тебе в этом, рассказать обо всем, что я чувствую.

После этого она удивленно покачала головой, озорно и с любопытством глядя ему в глаза, а потом с ироничной улыбкой заключила:

— Ты страшный человек!

Ее русые кудри были так же пышны, как прежде, густые серые ресницы соблазнительно вздрагивали, синие глаза блестели. «Нет, я, определенно, не смогу понять эту женщину», — решил про себя Николай и отрешенно вздохнул.

— А твоя нынешняя жена, — спросила Галя с таинственной улыбкой. — Она тебя понимает?

— Надеюсь.

— А как ее звать?

— Анастасия. Мы...

— У вас большое домашнее хозяйство? — не дав ему договорить снова спросила Галина.

Он удивленно посмотрел на нее и ничего не ответил. Ему показалось, что в голосе Галины появились ироничные нотки, и на какой-то момент он почувствовал себя тем самым мальчиком, который пришел в аптеку за лекарствами для больной сестры.

Трясина

Откровенно говоря, проживая в сельской местности с молодой женой, сельский учитель Николай Алексеевич Вяткин долго не хотел заводить домашнее хозяйство. Ему хотелось выглядеть интеллигентным и свободным, как все культурные люди, которых он знал в городе, когда учился в институте. Его миловидная и полненькая жена, которая в юные годы чем-то напоминала ему аптекаршу Галину, научилась готовить пирожки с грибами, сдобные булочки и крендели, а Николай все чаще и все увереннее стал говорить ей о пользе капустных салатов, о свежих фруктах и овощах. Он уверял молодую жену, что обожает постную пищу, но в его представлении она почему-то ассоциировалась с наличием разных экзотических продуктов, что было не совсем уместно в вятской глуши. Потом он почему-то вспомнил о закуске с помидорами и хреном, которую все местные жители называли просто «хренотёром», о печеных яблоках и пареной репе. При этом Анастасия слушала его и молчала. Он расценивал это молчание так, как будто она не до конца понимает, о чем идет речь. И он повторял:

— В наших условиях, Настя, закуска на основе хрена и томатов может заменить все. Полезнее этой закуски ничего на свете нет. А самое главное, эту приправу можно употреблять с чем угодно... С хлебом, с картошкой, с макаронами. Она возбуждает аппетит и вообще...

— Да. Я понимаю, — уклончиво отвечала Анастасия.

— Вполне возможно, у нас здесь будет много хороших друзей, которые начнут приходить к нам в гости. Мы наготовим бог знает сколько этой самой закуски, этой вкусной приправы, а потом будем угощать ей наших новых знакомых... Я познакомлюсь со всеми интеллигентными людьми в здешней округе и постараюсь стать для них душой общества. Ведь есть же здесь какое-нибудь культурное общество. Как ты полагаешь? Прозябать без дела я не собираюсь. Интересные люди начнут бывать у нас, мы — у них. Мы будем беседовать о музыке и литературе, о живописи и философии. Только надо запасти побольше хренотёра. Хренотёр он...

— Ну о чем ты говоришь, Коля! — вдруг остановила его Анастасия.

— А что?

— Неужели ты собираешься принимать гостей без мясных блюд? Это же неприлично. И вообще, ананасы, хренотёр, интеллигентные друзья. Вздор всё это! Фантазии... А для того чтобы иметь много мяса, надо просто купить и вырастить поросёнка, как мои родители... Вот и всё.

— Может быть. Может быть, в чём-то ты и права, но я больше не собираюсь отмечать все праздники только с твоими весьма невоспитанными братьями.

— А чем мои братья плохи? — удивилась Анастасия.

— Ты знаешь сама, — уклончиво ответил он.

— Чем же?

— Когда они приходят к нам в гости, — запальчиво начала Николай, — я перестаю чувствовать себя хозяином этого дома... Я тебе не говорил, но буквально вчера твой старший брат Фёдор бесцеремонно подошел ко мне в магазине, дёрнул меня за рукав и попросил добавить тридцать рублей на пиво... Там была огромная очередь, и все люди это видели. Я, конечно, дал ему тридцать рублей, но что после этого обо мне подумали люди? Они могли подумать, что я и этот лохматый человек чем-то связаны. Что мы с ним давние друзья... Он, конечно, сильнее меня физически, я не сомневаюсь. Но кто позволил ему этим пользоваться? В таких вещах со мной шутки плохи! Да-да! Он не знает, но я когда-то боксом занимался. И если я рассержусь... Если я рассержусь... Почему ты улыбаешься, Настя? Это вовсе не смешно.

Анастасия в это время отвернула от мужа лицо, но улыбку скрыть не смогла.

— Помнишь, я показывал тебе синяк на правой руке, — продолжил между тем Николай, — это я ломал кирпичи ребром ладони... И вообще, если мне надеть фуфайку на два размера

побольше — у меня тоже будут широкие плечи. Но это ещё не даёт мне права быть грубым. Грубым и бесцеремонным... Я тоже могу много выпить, однако же не пью лишнего.

— А при чём здесь фуфайка, Коля?

— Я говорю не о фуфайке. Я говорю о человеческом достоинстве. Как ты не понимаешь? Я говорю о высоком чувстве долга, о нравственности. Даже живя в этой глуши, в этом гиблом месте, мы не должны терять лицо и стараться, по возможности, ставить перед собой большие цели. Мы должны бить выше жизненных мелочей.

Анастасия Павловна с грустью смотрела на мужа и думала о том, что он, должно быть, ещё не понял до конца сути сельской жизни. Он не совсем верно видит реальность. Он романтик.

Закончив говорить, Николай начинал готовиться к урокам, что-то сосредоточенно писал в толстой тетради, заглядывал в учебники, проверял, уточнял, а его жене от тоскливого безделья хотелось поскорее одеться, выскочить на улицу и бежать-бежать куда-нибудь вдоль высокого забора. Потом остановиться на берегу реки в прошлогоднем репейнике и выплакаться навзрыд обо всём на свете. После пролитых слёз у неё светлее становится на душе. В детстве ранней весной у Насти уже случались приступы меланхолии, но тогда они быстро заканчивались, а сейчас иногда продолжались подолгу и казались совершенно беспричинными.

Плохое настроение покидало Анастасию, когда они с мужем отправлялись в кино или просто гуляли на улице под луной, взявшись за руки. Он рассказывал ей о школе, о том, что у них сейчас новый завхоз, с которым очень трудно найти общий язык. Хотя это сейчас не так важно, потому что дрова на будущий год им уже привезли, осталось только расколоть их и сложить в поленницы. Анастасия Павловна в свою очередь говорила о том, что в бухгалтерии сейчас тоже стало трудно работать. В детском санатории на кухне не хватает посудомоек и разнорабочих, их заменяют медсёстры и бухгалтеры. Из её речи выходило так, будто всё в этом детском учреждении скоро будут делать медики и экономисты: колоть дрова и ездить на лошади за хлебом, кормить свиней и чистить за ними навоз.

В местном Доме культуры, куда они приходили, чтобы посмотреть новый иностранный фильм, почти всегда было холодно и сильно накурено. Над сценой, под самым потолком, висел неширокий, но очень длинный плакат, изображающий краснолицего землепашца, трактор и волнистое жёлтое поле, уходящее за горизонт. В ожидании кинофильма немногочисленные зрители привычно лузгали семечки и плевали на пол. Из тёмного угла за портьерой сильно пахло мочой, а под ногами даже во время сеанса бродило какое-то мохнатое животное и угрожающе рычало. В общем, к концу кинофильма молодые супруги так застывали, что до самого дома бежали вприпрыжку и радостно повизгивали от предвкушения ожидающего их домашнего тепла.

Отогревались на кухне за чаем. От прогулки по холодной осенней улице у них горели щёки и неподдельной радостью светились глаза. Хотелось подольше удержать эти счастливые минуты. Николай обнимал жену, наклонялся к её розоватому уху и начинал говорить ей ласковые слова, примерно такие же, какими выражаются главные герои в фильмах о любви. Она слушала его и улыбалась. Он дотрагивался рукой до её румяной щеки и почему-то сразу вспоминал новогодний праздник из далёкого детства. Детство сейчас представлялось розовым и румяным, как спелая антоновка. И чем дальше оно уходило, тем всё отчетливее была по нему ностальгия.

— Анастасия, как ты думаешь, в жизни есть какой-нибудь смысл? — вдруг спрашивал он.

— Никакого, — с улыбкой отвечала она.

— А, по-моему, это слишком категоричное заявление, — с иронией парировал он.

— Нет, нет. Это правда, — продолжала Анастасия. — Иначе писатель Чехов ничего бы не написал. Ну, сам посуди, какой смысл в его «Чайке», в «Трёх сестрах»? Я считаю, что если в чём-то есть настоящий здравый смысл, то его можно выразить тремя словами. А из пустого в порожнее можно переливать без конца.

— Надеюсь, ты этим ни на что не намекаешь?

— Нет. Просто в чеховских пьесах я чего-то не понимаю.

— А я просто считаю их скучными, — соглашался он.

Но весной молодым супругам всё же пришлось купить поросёнка. Тесть настоял. Стал доказывать, что от этого всё равно никуда не уйти. Так принято в селе, так испокон веку заведено. Благо хоть поросёнок попался хороший — гладкий, розоватый, ушастый, чем-то похожий на игрушечного слоненка. Он бегал из комнаты в комнату, мило хрюкал и шумно перескакивал через порог.

— Какой ты шустрый, хрюндя! — приговаривала иногда Анастасия, поглаживая его по белой спинке. Поросёнок при этом недоверчиво мотал головой и убегал от ласк за печку. Анастасия умилённо провожала его взглядом и спрашивала у Николая не то шутя, не то серьёзно:

— Коленька, а Коленька, неужели мы его когда-нибудь зарежем? Он такой милый!

Николай делал удивлённое лицо и отвечал:

— Нет, конечно. Мы будем кормить его до старости, пока сам не умрёт.

— Ну, Коля! О чем ты говоришь...

— И можешь передать своему папочке большое спасибо за подарок. Я не знаю, какова судьба этого зверя в дальнейшем, но в настоящее время мы вынуждены покупать для него молоко. А потом, вероятно, нам надо будет приносить из школьной столовой помой и собирать в лесу жёлуди... Не представляю, как мы докормим его до зрелого возраста. Да ещё, вдобавок ко всему, надо будет набраться смелости, чтобы лишить его жизни.

— Для него нужно будет поставить во дворе хлев.

— Для одного поросёнка — целый хлев? — удивился Николай.

— Но не держать же его на улице!

— Настя, я не плотник, но с завхозом я поговорю. Если, конечно, мы не найдём иных решений.

— А какие ещё могут быть решения?

— Ну, может, отгородить ему небольшую вольеру в лесу. Лес у нас рядом. И пусть живёт себе в родной стихии.

— Но... поросёнок — это не кабан. Он вовсе не настоящий зверь... И вообще, папа говорил, что на первое время ему надо будет купить какой-нибудь крупы.

— Ну что ты говоришь, Настенька!

— Что?

— Ну разве ты не понимаешь, как всё это мелко и глупо. Что это настоящая трясина. Сначала поросёнок, потом курицы, а потом и корова... Да, да! Мы даже опомниться не успеем, как нас затянет в натуральное хозяйство. А натуральное хозяйство — это же настоящая кабала!

— А мне надоела капуста!

— Это ещё не самое скверное, и...

— И разговоры о хренотёре тоже надоели.

Потом всё лето у молодых супругов было много забот о том, чем накормить подрастающего поросёнка. Поросёнок быстро рос и с неизменным аппетитом ел всё, что ему приносили, в том числе и квашеную капусту, и картошку, и хренотёр. Он съел мешок овсяной крупы, съел всю морковь, которую великодушный тесть привёз из своего огорода. Съел всю траву вокруг дома и вырыл в огороде огромную яму, куда в ненастные дни стекала дождевая вода и где не в меру растолстевший поросёнок стал принимать целебные ванны.

Ближе к осени для него два местных прощелыги, большие любители выпить, срубили маленький хлев, в котором поросёнок размещался на ночлег и откуда «рёхал» на случайных прохожих так громко и так сердито, что они испуганно вздрагивали и старались поскорее миновать дом учителя. В общем, Николаю Алексеевичу порой казалось, что они с Настей живут

сейчас только для того, чтобы досыта кормить этого проклятого поросёнка, который ничем не собирается рассчитываться с ними за труды.

Да тут ещё тесть подлил масла в огонь. Николай, как обычно при встречах за столом, завёл разговор о низких нравах провинции, о бездуховности и традиционном российском пьянстве. Зашёл весьма далеко, стал цитировать Достоевского и Салтыкова-Щедрина, потом перешёл на Чаадаева. Только тесть на этот раз долго слушать не в меру интеллигентного зятя не стал, сказал, что они с Настей сами ничуть не лучше. Без коровы в деревне живут, можно сказать, никакого хозяйства не имеют. В кои-то веки одного поросёнка завели, зато рассусоливать по пустякам стали большие мастера.

После этого разговора Николай дня два расстроенный ходил, тяжело вздыхал и досадливо морщился. А при случае пасмурно жаловался коллегам по школе, что жизнь в селе устроена ужасно, даже можно сказать, отвратительно.

— Ну, посудите сами, — запальчиво объяснял он, — ведь это каннибализм какой-то. В селе, чтобы хорошо питаться, надо непременно кого-нибудь выкормить, потом зарезать его обыкновенным ножом и съесть... И никто, никто не задаёт себе вопрос: а имею ли я на это право? Ведь кому-то приходится расплачиваться за подобные убеждения своей жизнью... А вы представляете себе, что будет, если все захотят питаться исключительно мясом, как настоящие хищники? По земле потекут реки крови. Каждый будет ходить с ножом или саблей за поясом. И это будет в порядке вещей... Нет, я этого не понимаю! И вообще, чем свиньи перед нами провинились? Объясните мне... Почему мы решили, что этих милых животных лучше всего употреблять в пищу? Вот мне, например, они нравятся, но... вовсе не в виде мяса, а как живые существа. Они удивительно сообразительные, умные и непосредственные животные. Да вы посмотрите им в глаза! У них и глаза такие же синие, как у людей.

Школьные учителя, слушающие Николая в этот момент, одобрительно кивали головами, снисходительно улыбались, тихо переглядывались, но потом хором начинали уверять, что рассуждения Николая Алексеевича в чём-то нелепы и нет в них, к сожалению, никакой тонкой материи, нет правды. Действительно, все хотят жить и дышать, но по давно известным правилам даже в дикой природе сильный всегда съедает слабого. Таков закон жизни.

— Нет, это не закон жизни, — запальчиво возражал Николай. — Это ничем не ограниченный эгоизм, потому что человек вполне способен обходиться постной пищей. Капустой и хренотёром, картошкой и огурцами... Жирная пища — это всего лишь дань традиции. Своего рода убеждённость — и больше ничего. Толстой же, к примеру, мясного не ел, и этот ещё, как его... И Николай Алексеевич вот так вот сразу долго не мог больше вспомнить никого, кто ещё мясное не ел.

Закончилось лето, приблизились первые холода. Потом дождливые дни ветреной осени сменились стойкими морозами, и местные жители приступили к нещадной резке свиней. По выходным дням то там, то сям над тихими улочками Пентюхино вдруг раздавался жуткий предсмертный визг бедного животного, который тут же подхватывался жалостливым воем многочисленных местных собак. Потом громкие крики стихали, и слышен был только гул паяльных ламп, да наплывал откуда-то резкий запах палёной щетины. И только хрючок Николая Алексеевича продолжал жить точно так же, как прежде. Он всё так же много ел, смачно чавкая над деревянным корытом, так же крепко спал в теплом хлеве, а днём лениво разгуливал по пустынному огороду.

Но однажды в субботу, как бы ни с того ни с сего, во двор учительского дома зашли два человека: Трифон Силантьевич Бздюлёв и Андрей Кузьмич Голенищин. У одного из них в руке была паяльная лампа, а у другого из голенища сапога торчал огромный нож. Они пояснили, что Павел Семёнович с ними уже договорился, так что сейчас от хозяев почти ничего не требуется, только небольшая бутылочка за работу. Всё остальное они сами сделают. Тут им помощники не нужны.

Николай со страху как-то не понял сразу, кто такой Павел Семёнович. Потом сообразил, что это его тесть, и побежал на кухню к жене. Взволнованным голосом передал ей, чтобы всем остальным она сама руководила. Он не может. Он в этом беспределе не участвует. Это выше его сил. Анастасия Павловна, по правде сказать, тоже немного испугалась, но бутылку всё-таки нашла и с мужиками о чём-то договорилась.

В это время Николай Алексеевич заперся у себя в спальном комнате, лёг на кровать и накрыл голову подушками. Всё ждал, что ужасный предсмертный крик бедного поросёнка прорвётся сквозь все преграды. Но, к счастью, ничего не услышал и от этого немного успокоился. Пересел в кресло возле окна, выходящего в сад, и просидел так часа полтора.

После привычной для сельского жителя работы мужики на кухне поджарили свежую свиную печень, выпили бутылку водки, о чём-то живо побеседовали с Анастасией и ушли по своим делам, оставив на свежем снегу внушительные кровавые следы от кирзовых сапог.

Несколько дней после этого злополучного события Николай Алексеевич был сам не свой. Расстраивался и переживал, изводил себя жалостью. Анастасия Павловна заметила, как несколько раз он негромко охнул, глядя на алый снег во дворе. Потом Николай из принципа не ел свиное мясо три недели. Но к Новому году всё же не выдержал — расслабился, помог жене прокрутить через мясорубку свиного мяса и настряпать домашних пельменей... А потом, когда пельмени уже были готовы, он, глядя куда-то в сторону, несмело осведомился у жены, не мучился ли перед смертью бедный поросёнок? Что об этом говорили мужики? И Анастасия Павловна, стараясь быть серьёзной, ответила, что Трифон Силантьевич вообще-то большой мастер забойных дел, у него рука лёгкая. От такой руки скотина разом погибает.

Между тем пельмени из свежего мяса получились очень даже вкусные и когда Николай Алексеевич их ел, он никак не мог решить для себя, что для него сейчас важнее — сытость или нравственность? Когда же хорошенько наелся, то понял, что с полным желудком о нравственности рассуждать как-то заметно легче.

Татьяна

Однажды в школьном коридоре Николай Алексеевич случайно увидел молодую и стройную женщину, которая из кабинета директора быстро прошла в библиотеку, неся в руке внушительную папку с бумагами. На молодой женщине был темно-коричневый костюм и черные туфли на высоких каблуках. Это произошло после того, как у него с Настей уже появился первый ребенок, когда его жена сильно пополнила и поблекла.

Вскоре Николай узнал, что эта молодая женщина поступила в школу работать библиотекарем и сразу привлекла всеобщее внимание. Все мужчины в школе стали поглядывать на нее с явным интересом. Не стал исключением и Николай. Он обратил внимание на хорошую фигуру новой сотрудницы, на ее густые русые волосы, на то, как легко и бесшумно передвигается она между кабинетами, как вздрагивают под тонким платьем ее полные ягодицы. У новой сотрудницы школы было тонкое и правильное лицо, большие синие глаза и слегка длинноватый нос, который украшала едва заметная горбинка. Немного погодя Николай узнал, что новую сотрудницу зовут Татьяна, что она только что закончила педагогический техникум, а сейчас поступила в педагогический институт на заочное отделение. Сам того не желая, Николай, когда возникала такая возможность, стал с интересом поглядывать на Татьяну, и постепенно это подглядывание наполнило его душу неким таинственным томлением. Николай понимал, что это не любовь, это не может быть чем-то серьезным, но заставить себя совершенно не обращать внимания на Татьяну, не думать о ней, он почему-то уже не мог. Ему казалось, что эта увлеченность останется для всех тайной, что она когда-то пройдет сама собой и забудется. Так бывает.

Но шло время, и ничего не менялось. Татьяна не выходила у него из головы. Он то и дело вспоминал о ней, начинал фантазировать о том, чем она занимается в свободное время, о чем думает, что читает. В какой-то момент ему стало казаться, что он должен поближе познакомиться с ней, он должен с ней поговорить. Быть может, это внесет ясность в тот образ, который он сам себе нарисовал. Он узнает ее поближе и разочаруется — поймет, что она такая же, как все... Не любовь же это на самом деле... Нет. Так не бывает. Если бы это была настоящая любовь, он бы и думать забыл о своей жене. Но он даже представить себе такое не может. Настя его любит, и ее нынешняя полнота его вовсе не раздражает. Ему даже приятно видеть ее округлые формы, ощущать ее теплую податливость, смотреть в ее лукавые глаза. Он никогда не сможет ей изменить. Нет. Это невозможно.

Но... но если он слегка выпьет, а потом как бы ненароком обратит внимание на Татьяну... Да, если все это произойдет на каком-нибудь празднике или случайной вечеринке — он может сорваться. Такое с ним уже случалось в юности. Впечатление такое, как будто у него от внезапного и полного раскрепощения порой срывает тормоза. Он становится неуправляемым. И в этом состоянии абсолютной свободы он может пригласить на танец любую соблазнительную женщину. Он может смотреть на нее с нескрываемым вожделением, он может даже попытаться прочесть ей свое любимое стихотворение Марины Цветаевой о любви. В такие минуты стихия чувств захлестывает его с головой, и ему начинает казаться, что легкий флирт с красивой женщиной — это не измена. Это случайный, можно сказать, посторонний порыв, дань преклонения перед истинной красотой — больше ничего.

Потом он случайно подслушал обрывки разговора Татьяны с учителем химии Галиной Трофимовной. Татьяна сказала тогда:

— Скучно мне здесь у вас.

— Почему? — переспросила Галина.

— Пойти некуда в свободное время, поговорить не с кем. И так...

Говоря это, Татьяна многозначительно и обреченно махнула рукой.

— Значит, у вас никого нет?

— Нет. Я здесь никого не знаю. Всегда одна.

— В ваши годы, конечно, другой жизни хочется. Я понимаю, — посочувствовала Галина. — А хотите, я познакомлю вас со своим племянником? Он чуть моложе вас, но парень хороший. В институте учится и читает много. Хемингуэя любит, Сэлинджера. Обожает иностранную литературу.

— Не знаю, — ответила Татьяна. — Неудобно как-то...

— Да какое может быть неудобство, в самом деле. Вот в следующий раз он приедет к нам на каникулы, и я с ним поговорю, если вы не против.

— Не знаю даже...

Николай пошел дальше и очень пожалел, что не смог дослушать продолжение этого разговора. Не останавливаться же рядом с женщинами ни с того ни с сего. Это неприлично.

Казалось бы, что тут особенного? Но Николая этот разговор почему-то взволновал. Он дал ему призрачную надежду на легкое сближение с Татьяной, если он проявит решительность, если сможет преодолеть стеснение и скованность. И это сближение не будет изменой. Нет. Просто он слегка раздвинет перед собой горизонты желаний, внесет в свою жизнь некое разнообразие. И Хемингуэя он тоже порой перечитывает. Ему тоже близка американская литература.

Придя в кабинет химии, Николай Алексеевич отпер дверь в небольшую комнату, которую называл лаборантской. Сел там на стул возле окна, облокотился о подоконник и стал смотреть на осенний парк, который обрамляет школу со всех сторон. Сосны в старом парке уже начали сохнуть с вершины, но все еще производили впечатление мощных и красивых деревьев. Густая и яркая хвойная зелень сосен приятно гармонировала с голубым небом, с желтоватыми пирамидами молоденьких берез в подлеске, с проседью осин. Из-за облаков то и дело выглядывало солнце, освещая парк с западной стороны. Но солнечный свет сейчас был слегка серебристым, как бы немного приглушенным и рассеянным. Это был свет осени, которая, как опытный художник, незаметно стала наносить новые мазки на полотно увядающей летней природы. И Николай Алексеевич почему-то вспомнил, что когда-то в молодости прочел роман Уильяма Фолкнера «Свет в августе». Что-то в этом романе его сильно задело, но что именно вот так сразу он вспомнить не мог. Он тут же решил, что этот роман надо бы прочесть еще раз, возможно, сейчас он воспринял бы его по-другому. Особенно то место, где Фолкнер пишет о женщине, которая уже увядает, но никак не хочет смириться с этим увяданием. Как она влюбляется в юношу, который много моложе ее, и этой своей любовью, похожей на последнюю страсть, она делает молодого мужчину по-настоящему счастливым. Он вспомнил, что всё счастье молодого человека в этом романе кроется в безудержной плотской любви, любви греховной и страстной до изнеможения. Это счастье разлито в прощальном свете августа, в свете приближающейся старости, в последних попытках этой незнакомой женщины убедить себя, что не все еще потеряно. Ведь как раз в зрелой женщине и кроется та потрясающая энергия любви, которая идеально соединяет опыт и нетерпение, стремление отдать все другому без остатка, без стеснения и скованности, без лишних раздумий о будущем. И Николай вдруг подумал о том, что он сейчас как та женщина из романа Фолкнера, а новая школьная сотрудница Татьяна — как тот юноша.

Признание

Николай Алексеевич искренне любил свою жену. Его жена была высока, румяна и привлекала той сельской непорочной красотой, которую отличают высокая грудь, широкий таз и те пропорции тела, которыми примечательны гипсовые статуи в тенистых скверах провинциальных городов средней части России. Большими талантами Анастасия Павловна не обладала, зато она умела прекрасно готовить. Работала она бухгалтером в детском санатории, получала за свой труд немного, но умела так одеваться, что всегда производила впечатление милой и привлекательной женщины. Вскоре после замужества она родила Николаю двух курносых девочек. Девочки скоро подросли, и Николай иногда стал видеть в них прежнего себя. От этого взгляда в прошлое порой ему становилось чуточку грустно.

В доме у Николая всё было на своих местах, как положено. В зале стоял прекрасный сервант с хрусталём, на стене висел огромный ковер с оленями, под потолком — люстра с лепным отражателем. Был даже бутафорский камин с нарисованными языками пламени, покрытый всегда тонким слоем пыли. В общем, дом молодых супругов производил приятное впечатление изнутри и снаружи. Да и самого Николая все в Пентюхино считали человеком очень положительным. Во всяком случае, такое он производил впечатление. Никто даже не подозревал, что Николаю давно нравится другая женщина.

Другая женщина, конечно, была красива по-особенному. Она ходила по Пентюхино с гордо поднятой головой. Ее звали Татьяной, и была она чуточку сонной, чуточку медлительной, можно сказать, немного странной. Но эта странность почему-то не умаляла ее достоинств, скорее наоборот, придавала ей некой загадочности, некой тайны. И фамилия у неё была для здешних мест необычная. Её звали Татьяна Стерлякина. В местной школе она одновременно была секретарем и библиотекарем.

Николай Алексеевич иногда представлял себе, что могло бы произойти, если бы он решился подойти к ней и объясниться. Она, вероятно, тут же кинулась бы ему на шею и призналась, что она готова на всё, лишь бы быть рядом с ним. Но это, к сожалению, невозможно. Он женат, и у него уже есть дети...

Но однажды вечером, когда над осенним селом кружила огромная стая крикливых местных ворон, а задумчивые и ленивые грачи обсиживали маковку полуразрушенной церкви, когда дул холодный северный ветер и моросил нудный мелкий дождь, когда душа обыкновенного сельского учителя сжимается в комок, и он сживается с мыслью, что всё пропало, — Николай решил идти к Татьяне, чтобы объясниться.

В этот ненастный вечер Николай Алексеевич долго сидел в своём кабинете, прислушиваясь к быстрым шагам по гулкому школьному коридору. Потом выпил для храбрости сто пятьдесят граммов спирта, предназначенного для лабораторных работ, закусил рыхлой осенней помидориной, которая завалилась на подоконнике в каморке для инвентаря, и вышел на улицу. В самом начале пути ему казалось, что он идет по улице просто так, без какой-либо цели, что ему ничего не нужно. Просто он должен успокоиться. Но чем свободнее и раскованнее под действием спиртного он становился, тем определённое понимал, что должен пойти к Татьяне именно сейчас, именно сегодня. Он шёл по грязной, усыпанной мёртвыми листьями дороге и чувствовал в душе несокрушимый восторг. Он сможет, он сделает сегодня всё как надо. Он свободный человек. А свободные люди не знают запретов. Ничто не должно его сковывать. Сейчас ему казалось, что его увлечённость Татьяной — это что-то настоящее и большое. И что этой большой увлеченности ему вполне достаточно, чтобы прийти к незнакомой женщине ночью. Он так больше не может: один от осени до осени, от встречи до встречи, от взгляда до взгляда — во тьме, в немоте, в незнании.

Нужно миновать всего несколько мрачных улиц, и он окажется возле дома Татьяны. Она откроет ему дверь, что-нибудь спросит приятным голосом, и он почувствует, что всё сделал правильно. Потом он окажется в её доме, а там светло, тепло и звучит приятная музыка, тонко так звучит, плавно, с трепетным чувством. Должно быть, Чайковский или Мендельсон.

Через какое-то время Николай подошёл к дому Татьяны и в нерешительности остановился. Замер. Сейчас нужно только постучать в высокую дверь. Дверь со скрипом откроется, и он попадёт в земной рай.

Но... в это время им почему-то вновь овладела странная скованность. Неожиданно Николай повело куда-то назад от желанной двери. Он неуклюже переступил ватными ногами, потом сильно пошатнулся и вынужден был схватиться рукой за низенький штaketник палисадника. Постоял, прислушался... Никакой музыки за окнами дома Татьяны не было слышно, зато в палисаднике всюду цвели розы. Предмет его обожания, Татьяна, сейчас была рядом, а он еле стоит на ногах. Ну надо же! И выпил-то он, кажется, немного, и шёл по вечерней улице прекрасно, но мысли в его голове почему-то странные и отрывочные. Как будто он только что проснулся и не может понять, что к чему.

Николай протянул за штaketник свою неуверенную руку и сорвал в палисаднике самый пышный цветок. Скоро заморозки — всё равно все цветы завянут. Поднёс сорванный цветок к лицу, вдохнул его аромат — и голова у него закружилась. Всё, кажется, хорошо, только стоит ли в таком виде заходить к юной, плохо знакомой ему женщине? Что из этого получится? — неизвестно. И что он сможет ей объяснить в таком виде? Вполне возможно, после его объяснения, она решится поцеловать его, а от него пахнет чёрт знает чем. Размышляя таким образом, Николай, пошатываясь, направился вдоль палисадника направо. Кажется, там, за домом Татьяны, в колхозном поле стоит старый стог соломы. Он только отдохнёт на соломе возле стога, посидит, подышит полной грудью — и у него всё пройдет. Он снова станет трезв, как стёклышко.

Николай неуверенно направился к манящему стогу. Облегченно сел там, зарылся спиной в сухую солому и начал думать о чём-то важном, что сейчас нужно, просто необходимо, понять. В стогу думать стало хорошо, тепло, уютно, совсем не так, как на холодной улице под дождём и ветром. Только мысли в тепле у Николая стали какие-то сонные, простые, и при этом странные музыкальные волны появились откуда-то. Эти волны плывут к Николаю и захлестывают его, накрывают с головой. Плеск этих волн похож на завывание ветра... И вот из этих самых волн, из тёмной любовной немоты вдруг появилась Татьяна. Она в белом платье, над ней плывут белые облака, под облаками мельтешат белые чайки. Она несёт ему огромный букет алых роз. Он слышит её дыхание совсем рядом, но не может пошевелиться. Должно быть это любовь сковывает его. Он весь горит от любви, только ногам почему-то холодно...

Пробудился Николай Алексеевич от озноба. «Боже мой, я спал на улице!» — тут же подумал он и очень удивился тому, что увидел. А увидел он рыжую траву в капельках росы, увядшие березовые листья повсюду, свои серые брюки и грязные ботинки на ногах, а в левой руке — огромную, полыхающую алым цветом розу. Совсем рядом был дом Татьяны. И, что самое дикое, — из этого дома его давно могли заметить.

И тут он вспомнил всё вчерашнее. Как шёл сюда по тёмной улице, вероятно, пошатываясь и бормоча себе под нос что-то невнятное. Вспомнил как кто-то ветхий и худой попался ему на пути, потом стремительно отскочил в сторону и ждал, пока школьный учитель пройдёт своей дорогой. Какое жуткое, должно быть, он произвёл впечатление! И вообще, к чему вся эта затея с объяснением? От всего этого только болит голова, пить хочется, сыро да холодно.

Николай осторожно поднялся с земли, зашёл за стог, отряхнул с коленей солому и с наслаждением помочился на мокрую листву. Потом долго оттирал концы брюк от грязи и тихо чертыхался.

— Вы что, Николай Алексеевич, никак в лужу вступили? — спросил кто-то сзади.

Николай вздрогнул от неожиданности и с опаской оглянулся. За его спиной стоял местный печник Сергей Сергеевич, по прозвищу Кожух. Кожух почему-то тоже был весь в соломе и выглядел неряшливо. Один глаз его немного косил, а другой был прикрыт набухшим и водянистым веком.

— Да вот, угораздило... — ответил учитель, слегка смутившись.

— Бывает такое дело по осени... А вы никак уже в школу продвигаетесь?

— Продвигаюсь, а что?

— Хорошее дело, — с хитрецей в глазах продолжил Кожух, — а я вот здесь переночевал, знаете... Жена из дома турнула по причине пьянства. Я в части злоупотреблений нормы не знаю. Такая натура. Но ничего, хорошо — свежим воздухом подышал.

— Ну-ну! — понимающе и вместе с тем озадаченно проговорил Николай Алексеевич. — Надо и мне продвигаться ближе к школе. Будьте здоровы!

Потом, уже недели через две, когда жена наконец простила ему эту бесшабашную выходку, Николай стоял за хлебом в длинной очереди и случайно увидел, как за огромным окном магазина прошла Татьяна Стерлядкина. Она шла, гордо подняв свою красивую голову, покачивая плавными бёдрами, и не обращала ни на кого внимания. Такая нездешняя, такая «не наша», что Николай с грустью почесал лысеющий затылок и подумал, что она ему явно не пара. Ну кто он такой на самом деле! Он обыкновенный мужчина средних лет с синими невесёлыми глазами, одолеваемый мыслями о пропитании, деньгах и прочих прозаических вещах. Чем он может прельстить её? Таковую... такую!

И вдруг он снова не смог сдержать в себе волну обожания, волну тайной надежды. Это произошло потому, что Татьяна на несколько секунд остановилась и пристально посмотрела на него. Да-да, именно на него! Он не мог этого не понять, он не мог этого не заметить. Она выделила его из общей толпы этим своим мимолётным и лукавым взглядом. У неё это получилось просто и легко. Один этот взгляд сказал ему больше, чем все дни его раздумий в одиночестве.

В хорошем настроении Николай вышел из магазина и как бы ненароком остановился на том же месте, где только что стояла Татьяна, когда подарила ему свой обольстительный взгляд. Он внимательно посмотрел в огромное окно хлебного магазина... и увидел в нём своё отражение. По законам физики темное окно работало сейчас как зеркало.

Новогод

Так в Пентюхино сокращённо называют новогодний праздник не потому, конечно, что есть ещё Первомай и прочие праздники с названием в одно слово, а просто так, ни с того ни с сего.

Новый год Николай всегда ожидает с радостным нетерпением. А как же иначе, ведь это праздник из детства, из той далёкой поры, когда заветный кулёк конфет представлялся вершиной счастья, когда само ожидание манящего кулёка наполняло душу так же, как сейчас может наполнить её лишь поцелуй любимой женщины, подаренный случайно между слов в общей праздничной суматохе. И такая женщина у Николая Алексеевича тоже есть — это Татьяна Стерлядкина. Эта женщина празднично красива, восхитительно свободна и удручающе равнодушна.

Когда Татьяна танцует, Николай любит пленительным полётом её ног, парящими складками её платья, загадочным профилем и глазами, отражающими разноцветные огни ёлки. Его манит к ней, но так танцевать, как Татьяна, он не умеет. Он вместе со всеми топчется на одном месте под музыку Давида Тухманова и видит перед собой внушительную фигуру Анастасии, от которой пахнет духами примерно так же, как из платяного шкафа может пахнуть нафталином. Анастасия улыбается ему, и её щеки от частых морщинок становятся похожими на гармошку. Он тоже силится улыбнуться, но не может и с виноватым лицом понимает, что до настоящего веселья ему не хватает пары рюмочек водки. Вот выпил бы эти сто граммов, съел три-четыре скользких и парящихся пельменя, потом поддел на вилку ядрёный твёрденький огурчик — вот тогда всё было бы в порядке.

Когда музыка неожиданно оборвалась, Николай оставил жену и вышел в фойе отдышаться. Там было холодно, как в погребке, накурено до ощущения тумана, и в этом тумане стояли полукругом какие-то горластые местные мужики. Один из них что-то рассказывал, а остальные громко смеялись. Николай хотел подойти к мужикам, поздороваться и послушать, о чём они говорят, но передумал и прошёл мимо них на улицу. В дверях кто-то обогнал его и, проскрипев по снегу подошвами зимних сапог, заскочил за бревенчатый угол Дома культуры. Николай немного потоптался на крыльце и, сжавшись от холода, последовал туда же.

За углом Дома культуры скопилось уже несколько мужчин, и все они аккуратно писали в широкую трещину на фундаменте очага культуры. Николаю сделалось неловко, он стал искать глазами туалет, но не нашёл его и решил пройти дальше. Каково же было его изумление, когда, свернув налево, за массивный забор, он неожиданно спугнул там стайку женщин, которые с дружным щебетом тут же упорхнули в новогоднюю ночь, оставив на снегу крупные желтоватые узоры. «Чёрт знает что!» — решил Николай и направился на поиски туалета.

Туалет он нашёл на краю соседнего оврага. Это был маленький покосившийся сарайчик, дверь в который невозможно было открыть, потому что она до половины была засыпана слежавшимся снегом. Николай обогнул ветхий сарайчик с правой стороны и, слегка ссутулившись, справил там малую нужду.

На обратном пути в холодном фойе его остановил Евгений Иванович — школьный физрук. Евгений Иванович был красен как рак, излишне весел и сразу попросил поддержать компанию.

— Тут всего два шага шагнуть до моего дома... Пошли! Чего раздумывать-то?

— Перед женой как-то неудобно, — попробовал оправдаться Николай.

— Берём её с собой! Какой разговор! Настя у тебя баба классная, весёлая. Берём с собой... Ты давай одевайся пока, а я за ней схожу.

После небольшой отлучки в бодрый школьный коллектив, где по необъяснимой праздничной логике было всё-всё и даже чуточку больше того, что требовалось в данный момент

Николаю, он по возвращении в Дом культуры почувствовал себя наравне с Татьяной Стерлядиной. А что вообще должно быть такого исключительного в солидном мужчине средних лет? На нём был прекрасный новый костюм серого цвета, белая рубашка и галстук в полоску, на ногах Николая были модные итальянские туфли. Николаю на какое-то время даже показалось, что это вовсе не беда, если он немного лысоват. С его задатками грех было не показать себя в хорошем обществе. Вот возьмёт сейчас и пригласит на танец Татьяну. Закружит её, кружит, а потом как бы ненароком покажет ей своё лучшее па. Когда-то он занимался в кружке бального танца и делал успехи. Только бы зазвучала хорошая танцевальная музыка.

И такая музыка вскоре зазвучала. Николай нерешительно поднялся со своего места, подошел к Татьяне и пригласил её на танец одним кивком головы, так как язык у него отнялся сразу же, как только он приблизился к ней. Она тут же поднялась ему навстречу и поразила его своим восторженным видом. У неё блестели волосы и глаза, блестел браслет от часов на руке, шелковое платье с красивыми мелкими складками тоже блестело. Под своими грубыми потными руками он почувствовал её упругую талию, начал вальсировать и с ужасом понял, что не поспевает за быстрым полетом её ног. На бесконечных поворотах его заносит, при этом он вынужден смотреть вниз, чтобы случайно не ступить ей на ногу, потому что всё это мельтешит, кружится и перескакивает с места на место. Вероятно, он бы плохо закончил, если бы вовремя не оборвалась музыка.

После танца у него так закружилась голова, что в первые мгновения тишины он ничего вокруг себя не видел. Наконец перед ним возникло улыбающееся лицо Татьяны. Она о чём-то спрашивала его.

— Да-а? — протянул он в форме вопроса и слегка наклонил к ней голову.

— Я говорю: как вы себя чувствуете? У вас было такое лицо, как будто вы вот-вот упадёте.

— Неужели? Я хорошо себя чувствую! Очень хорошо. Правда, слегка кружится голова. Я давно не танцевал, знаете. Хотя я бы с удовольствием пригласил вас на танец ещё раз, если позволите.

Она удивлённо посмотрела на него и ничего не ответила. Он виновато заморгал, потом холодно поблагодарил её за танец и отошёл в сторону. Нашёл глазами Анастасию и стал пробираться к ней, проклиная себя за ненужную навязчивость. Магнитофон на столе взревел вновь, наполнив зал дребезжанием струн и громом барабанов.

— Что же ты говорил, что танцевать не умеешь? — спросила Николая жена, как только он приблизился к ней.

— Это было моё лучшее па! — пространно выпалил он.

— Какое ещё па? — не поняла Анастасия.

— Да это я так, про себя.

— Ясно, что не про меня... Под сорок лет тебе, Коленька, а ты всё в жмурки играешь. Нехорошо!

Николай сел рядом с женой на холодный диван и понял, что так уже было в его жизни когда-то. Правда, это было очень давно. Тогда к ним в Красноярск привезли какой-то известный иностранный фильм и показывали его два дня в переполненном Доме культуры. Николай запомнил, как жили там на экране красивые и свободные люди незнакомой возвышенной жизнью, и он мечтал, что когда-нибудь будет жить точно так же. Вспомнил, как звучала с экрана чудесная музыка, от которой почему-то хотелось плакать. И как потом вдруг, совсем неожиданно и некстати фильм закончился, со скрипом открылись большие деревянные двери Дома культуры, и потная толпа зрителей вывалилась на тёмную осеннюю улицу, где холод, грязь и высокие покосившиеся заборы. Контраст между фильмом и реальностью тогда Николая поразили.

С горестным чувством Николай поднялся с дивана и снова вышел в фойе. В середине этого холодного помещения всё так же стояли три тощих, подвыпивших мужика и курили,

обмениваясь между собой празднично вздорными фразами. «Убого, до чего же убого всё!» — решил в сердцах Николай и повернул обратно, потому что там в просторном зале хотя бы тепло и есть музыка.

Потом он весь вечер танцевал только с Анастасией, и ему показалось, что однажды Татьяна Стерлядкина снова призывно поглядела на него. В ее взгляде он уловил оболение и укор, но постарался не обращать на это внимания. Сейчас он был благодарен только жене за всё. За то, что недурна, не глупа, как некоторые, и живёт с ним, с дураком таким, даже ревнует его. А ведь, в сущности-то, если разобраться как следует, он своей Анастасии не стоит. Она всю свою жизнь на него положила и говорить умеет так, как будто накидывает пуховый платок ему на плечи. Чего ещё-то ему нужно? Чего ещё ему не хватает?

Обратно из Дома культуры до дома молодые супруги шли сонные. В ночи медленно падал им под ноги пушистый снег, еле заметное утро проступало белым на востоке. Николай остановился, задрал голову и посмотрел в небо. Там, клубясь и пересыпаясь, летели к земле мелкие снежинки, чтобы упасть на землю и стать обыкновенным сугробом. А в тяжёлой массе сугроба нет уже ни кружения, ни полёта — только холод. «Точно так же, как в жизни», — подумал он и облегченно вздохнул.

На крыльце учительского дома Анастасия долго искала ключ, под её ногами скрипели половицы, потные пальцы прилипали к холодному замку, и Николай успел удивиться тому, как тяжело она дышит. Должно быть, они оба уже непоправимо постарели. Другие люди со стороны видят это, а они не замечают. Ведь душа у человека не старится, она с каждым утром начинает новую жизнь.

Когда Николай включил в доме свет, — огромный серый кот спрыгнул с печи, подбежал к холодным ногам хозяина и стал тереться пушистой щекой о его щиколотку, преданно выгибая спину. Николай нагнулся и погладил кота по тёплой голове. Какой всё-таки добрый кот, ласковый, шерстяной, и живёт с ними в одном доме, как родственник.

Потом на кухне оба супруга долго пили чай, сонно переговаривались, вздыхали и подспудно настраивали себя на обычный жизненный лад наступившего Нового года.

Ах, господа

Ах, Господи, до чего же Николай любил короткое и яркое лето! Целый год для него был как длинная неделя, только лето — воскресенье. Летом он вставал необычно рано, необычно поздно ложился спать и даже во сне представлял себя счастливым. В этих счастливых снах его любили юные женщины, а он легко и умело соблазнял их, дарил им обязательные цветы и случайные поцелуи. В счастливых снах он был томительно молод, почти что юн, и его переполняла романтическая энергия любви. Лето было временем исполнения желаний, тихой задумчивости и умиления. Лето было самым желанным периодом в его жизни.

Но приходило долгожданное лето — и на Николая наваливалась тяжёлая ручная работа. Он целыми днями мастерил парники, перекапывал гряды, ремонтировал заборы, что-то красил, строгал, прибивал и всё ещё продолжал мечтать: вот пройдёт эта трудная неделя и наступит другая — лёгкая. Он расслабится и позагорает на солнце, поплывёт с дочерьми на реке. Освежится, развеется, отдохнёт...

Но проходила трудная неделя, за ней наступала другая — такая же трудная, а неотложных дел почему-то всё не убывало. Впечатление было такое, как будто с каждым днём этих дел становилось всё больше.

К тому же в начале июня приезжал из Рябинова тесть и совершенно некстати привозил с собой противного розоватого поросёнка величиной с ладонь. Благословись, опускал его в кухне на пол и говорил:

— Вот вам, милые мои, своё мясо на зиму. Как говорится, не потопает — не полопает.

Николай в это время с недоумением и досадой смотрел то на тестя, то на поросёнка и не мог для себя решить, кто вызывает в нём большее раздражение — тесть или поросёнок?

А ещё через несколько дней на базаре в Красноярске жена Николая покупала два десятка цыплят-бройлеров, которые требовали корма через три часа. Потом наступала пора полоть и окучивать картофель, поливать гряды, и Николай начинал чувствовать себя дворовым работником и свинопасом, а вовсе не сельским учителем с высшим образованием. Он заметно худел, его лицо и шея покрывались коричневым загаром. С утра до вечера он ходил в каком-то застиранном пятнистом костюме, не брился дня по три, и его лицо постепенно приобретало выражение усталого равнодушия. Даже сельские жители в летнюю пору как-то легко переставали узнавать в нём учителя и, не стесняясь, приглашали его на сенокос. Сначала Николай не отказывал им из уважения, а потом привык, и ему стало казаться, что через всё это ему тоже надо пройти. Надо испытать на своей шкуре все тяготы сельской жизни.

На сенокосе он жутко уставал, потом жутко напивался с хозяевами жёлтой и пахучей медовухи, а после громко пел длинные народные песни, сидя на пустынном берегу реки и ощущая в душе странную тягу к раздольности.

В середине июля появлялись в саду первые ягоды, в лесу — первые грибы. Николай мечтал вырваться в лес хотя бы на день, но ему всё как-то не удавалось это сделать, всё что-то мешало. То на веранде вдруг протекала крыша, и надо было срочно перекрывать её рубероидом, то у поросёнка открывался понос, то одна из дочерей начинала покашливать. То приезжал в гости какой-нибудь дальний, но требующий большого внимания родственник — любитель длинно и умно рассуждать на политические темы. Николай ухаживал за садом и огородом, воспитывал дочерей, кормил цыплят и поросёнка, убажал, чем мог, дальних родственников и всё ждал, когда же пройдёт это время забот и наступит другое — счастливое время, где найдётся место восторгу перед всем этим пышным, зелёным и цветущим миром, который называется ЛЕТОМ. Ах, Господи, когда же?!

В конце июля они с женой собирали с кустов ягоды чёрной смородины, солили огурцы, пробовали первые красные помидоры. Потом в пустующую половину брускового дома напро-

тив приехал сосед — новый учитель истории, холостяк и социал-демократ Григорий Петрович Зорин.

Новоявленный социал-демократ, воспитанный явно в народовольческом духе, без приглашения стал приходить на ужин к хлебосольным соседям да при этом ещё делал вид, что оказывает им некую услугу. Честно говоря, он был человеком навязчивым и немного странным, но колорадских жуков с раннего картофеля убирать помогал, хотя и надоедал при этом умными разговорами о глобальных экономических процессах в России и в мире. Потом Николай рубил в дубовом корыте молодую крапиву для поросёнка и кур, а Григорий Зорин в это время говорил о большом значении рыночных реформ для новой России. И Николаю начинало казаться, что есть некая тайная связь между всеми поросятами мира и одним большим русским корытом, из которого ещё долго можно хлебать...

В августе случались уже затяжные дожди, но настроение у Николая всё ещё было боевое. Он всё ещё мечтал: вот станет поменьше работы в саду и огороде, в хлеве и курятнике, и он наконец разогнёт спину, расслабится, отдохнёт за всё лето. Ведь в августе-то ещё так хорошо, так свежо на улице после короткого тёплого дождика! Ах, Господи!

Теплыми вечерами в августе он порой думал: почему это у него так нелепо, так неудачно складывается жизнь в последнее время? Случайность это или общая тенденция? А может быть, у всех сейчас так? Вот и первые гнилые помидоры уже появились, и первые перезрелые огурцы. Что-то, кажется, измениться должно. Николай буквально дышит этим изменением, ощущает его, как спина ощущает горячие солнечные лучи, когда он работает в огороде. Но почему-то ничего в его жизни не меняется, и он порой не может понять — от усталости это, от скрытой надежды на счастье, или ни с того ни с сего?

После Ильина дня они с женой стали свежую картошку выкапывать, сделали первый капустный салат с редиской и морковью. Поели, порадовались. А потом к ним зашёл Григорий Зорин вместе с Надеждой Ивановной — дочкой Маши-поварихи. Выпили чаю с шарлоткой, поговорили о повышении цен на вино и табак, о закрытии неучкомплектованных школ в их районе. Но ощущения важности обсуждаемой темы почему-то не возникло. От усталости Николаю очень хотелось спать...

Потом к ним пришла одна Надежда Ивановна, скованно села в углу под фикусом и заплакала, не закрывая лица руками. Слезы текли по широкому крестьянскому лицу и капали ей на подол. А Надежда тихим голосом стала объяснять, что навязчивый социал-демократ её бросил, и она не знает, как ей сейчас быть, потому что их духовная близость случайно переросла в половую, и Надежда забеременела... Анастасия Павловна, глядя на Надежду Ивановну тоже расплакалась и стала уверять её, что все мужики сейчас одинаковые, все стервецы и хотят от женщин только одного. Надежда смотрела на неё полными слёз глазами, понимая кивала, а потом, скрывая стеснение, призналась, что Григорий Зорин в последний раз даже не вышел к ней из дому, да ещё и показал ей через окно что-то напоминающее фигу, и сейчас она не знает, как это расценить: как породистое хамство или как случайную комбинацию пальцев без особого умысла.

В сентябре затяжные дожди стали нередки. В холодные низины по вечерам стал заползать туман. В палисадниках георгины расцвели, но ласковое солнце всё ещё проливалось на землю золотистым потоком, на высокой траве серебрился влажный тенетник; пахло горелой ботвой и облака, если лечь на спину, казались такими пронзительно белыми, такими высокими, что комок подходил к горлу. Лето прошло. Прошло лето!

Ах, Господи!

Сколько сможешь прожевать

Уже поздней осенью Николай Алексеевич решил было заменить на веранде оконные рамы. Старые-то совсем пришли в негодность: потемнели, облупились, выцвели. На одной раме по стеклу прошла трещина сверху донизу, на другой нижняя планка едва держалась. В общем, пришлось Николаю узнавать, где найти хорошего столяра, чтобы все это поправить, пока не поздно. Соседи подсказали, что лучше всего обратиться к Василию Ивановичу, который живет на окраине Пентюхина в маленьком доме с большими окнами. Там еще рядом с домом у Василия, пояснили Николаю, срублен просторный хлев, который уже много лет остается без крыши. А возле дома ворота красивые стоят, крепко сбитые, новые, но почему-то эти ворота все еще не навешаны на свое положенное им место.

Как только Николай Алексеевич добрался до дома Василия Ивановича и зашел к нему, чтобы договориться об изготовлении оконных рам, так сразу был усажен хозяином за стол и вынужден был отведать свежей медовухи, которая по словам хозяина, ударяет в голову не сразу, но зато наверняка.

Василий Иванович незадолго до этого вернулся с сенокоса, выпил с устатку ковш медовухи и сейчас как раз имел то расположение духа, при котором очень хочется с кем-нибудь поговорить. А побеседовать с учителем своих детей ему давно хотелось, потому что дети Василия о Николае Алексеевиче всегда отзывались очень хорошо.

Николай несмело поинтересовался, не сможет ли Василий Иванович изготовить оконные рамы для его веранды недели за две или три, пока не так холодно на улице возиться. На что улыбчивый столяр ответил так:

— Недели за две не обещаю. Нет, не обещаю. Я беру в рот столько, сколько смогу прожевать. Так что за две недели не обещаю, а за месяц сделаю. Это точно.

— За месяц? — удивился учитель.

— Да... Тут проблема вот в чем, — начал объяснять Василий. — У меня циркулярный станок на днях сломался. Мотор перегорел. Вот... Это, во-первых. А во-вторых, я просто не люблю спешить и обнадеживать людей зря тоже не люблю... Зачем мне это? Я беру в рот столько, сколько смогу прожевать. Больше мне, как говорится, не надо. Да и вам я спешить не советую.

— Но через месяц дожди пойдут, а сейчас у меня как раз свободное время есть и уроков не так много, — попробовал возразить учитель.

— Да бросьте вы, — с улыбкой посоветовал ему Василий, энергично махнув рукой. — В таком деле спешка не нужна. Через месяц потихоньку сделаем. Зато ладом. А теперь давайте лучше выпьем за знакомство.

Он многозначительно помолчал, глядя на Николая узким прищуром добрых глаз, и плеснул ему из ковша новую порцию мутноватой медовухи. Тот недоуменно переспросил:

— Почему именно через месяц? Не понимаю что-то.

— А я вам честно скажу, — между тем продолжал его собеседник. — Для меня даже в жизни не важен результат — важен сам процесс. Некоторые люди стремятся иметь всего очень много. Машины там разные, мебель, ковры, деньги. Для них это важно! А я к этому не стремлюсь, я к этому равнодушен. Для меня важно, чтобы люди ко мне хорошо относились. Чтобы все тихо, спокойно, без паники и спешки... Понимаете? Чтобы каждый миг приносил мне не новые заботы, а какое ни наесть удовлетворение... Честно скажу — я одним днем стараюсь жить. Вот сегодня, допустим, мне хорошо — и ладно, и правильно, и хрен с ним. Я выпил немного — и счастлив. Я никого не обидел и меня никто не обидит зря. Так ведь?

Николай отчетливо понимал, что это не так, неправильно это, но почему-то поддакнул.

— Так..., наверно.

— А ещё я ничего плохого вокруг стараюсь не замечать, — продолжил рассуждать Василий. — Другие-то люди только плохое и видят, только плохое и замечают. А я — нет, я — другой человек... Для чего мне все плохое-то видеть? Я стараюсь доброе замечать, хорошее. Поэтому и заботы хозяйственные меня не тяготят. Я стараюсь о них лишний раз не думать. На какой мне хрен эти заботы-то. Ведь если все проблемы при себе держать, всегда о них помнить — то никогда счастливым не будешь... Надо уметь забываться, отвлекаться от всего надоевшего... Вот, например, сегодня я стог сена поставил, мужиков винцом напоил и сам дернул малость вместе с ними. Они довольны, и я доволен... Ну конечно у меня кой-какие недоделки дома в хозяйстве имеются, я не спорю. Хлев, вон, без крыши стоит, ворота к столбам не навешены... Кое-что в моей жизни не ладится, но это частности. Для меня важно, чтобы настроение каждый день у меня было хорошее, чтобы здоровье не подводило, дети не сердились на отца. Вот и все... Мне важно, чтобы жизненный процесс не тяготил, чтобы каждый день радовал.

Николай подозревал, что и в этом высказывании столяра есть какая-то нелепость, но вместо возражения почему-то снова подтвердил:

— Да. Я вас понимаю...

— Вот, в том-то и дело! А некоторые люди этого никак понять не могут. Они все ждут от жизни какого-то важного результата. Чуда какого-то. Манны небесной... Они стремятся хорошее образование получить после школы, потом хорошую должность, потом квартиру, машину, бабу самую красивую в жены. И пошло, и поехало без передышки до самого конца от цели к цели. И всю-то дорогу они бедные спешат, все чем-то не довольны. Забывают о том, что жить надо сегодня, завтра поздно будет. Им важна цель, которую они перед собой поставили. Пока они этой цели не достигли — они несчастны... А я ищу хорошее в самом процессе жизни. Вот, например, беру обыкновенную доску, распиливаю ее на бруски и с удовольствием строгаю. Я вообще работать стараюсь с настроением. Нет настроения — я не работаю. Для чего мне себя насиловать? Заставишь себя работать, упрешься — вполне возможно — будет результат и деньги будут, но мне процесс важнее. Мне приятно, когда из обыкновенной деревяшки получается нужная вещь. Когда из фуганка стружка летит тонкая, как пух, когда от дерева смолой пахнет... Вот в чем суть... Что из того, что я за месяц могу двадцать рам сколотить. Нет, я лучше пять штук сделаю, но с удовольствием. Ведь один раз живем... И жена у меня такая же. Вы не смотрите, что у нас на кухне идеального порядка нет, ну и так по дому как будто все разбросано. Зато мы с ней живем из души в душу. За двадцать лет плохого слова друг другу не сказали... А для чего говорить, когда все ладом.

Василий разлил по кружкам еще один ковш медовухи и весело посмотрел на учителя. Потом сказал:

— Давай, Алексеевич, за твое здоровье выпьем!

И когда очередная кружка была выпита, когда не только в желудке, но и во всем теле разлилась приятная теплота, Николай нерешительно подумал, что Василий, пожалуй, во многом прав... А после четвертой, последней за тот вечер кружки, уже не сомневался — прав истинно!

— Вот только ворота у вас выглядят неказисто, — пожурил он хозяина дома, — и хлев без крыши стоит. Для плотника это как-то непривычно, знаете.

После этих слов Василий, лукаво глянул на учителя, почесал за ухом, улыбнулся и тут же нашел, что ответить.

— Так ведь я не плотник, — весело пояснил он. — Я столяр. А это две вещи разные. Мне по душе работа тонкая, можно сказать, ювелирная. Топором-то махать — это совсем другое дело... Я вам честно скажу, на мою работу еще никто не обижался. Я для людей плохо не делаю — такая натура. Себе еще могу схалтурить. Для дома — живет, а для чужого человека — никогда... Да вы можете любого спросить по селу, никто мою работу не похает.

В общем, от добродушного столяра Николай Алексеевич смог уйти только поздно ночью изрядно пьяным и глубоко уверенным, что этот осенний вечер не пропал для него даром.

Потому что в этот вечер он, наконец, понял душу простого русского человека. Он понял, что простой русский человек никогда не будет стремиться к цели, требующей от него всей жизни без остатка. Ведь ему не важен результат, важен сам процесс. Для Николая эта простая вещь в тот момент показалась чем-то похожей на открытие.

Тихая сентябрьская ночь приятно бодрила сельского учителя. Она была залита лунным светом во всю ширину росного луга, по которому Николай возвращался домой. А главное, сейчас он твердо знал, что, по сути, для него в данный момент важна и приятна именно эта прогулка под луной, а не то, что будет с ним завтра или послезавтра, не то, что скажет ему жена через пять минут, отпирая дверь. Значит, надо дышать полной грудью, смотреть на все влюбленными глазами и радоваться встречной красоте, ибо это и есть настоящая жизнь.

Натурализм

Поездка в Ленинград случилась для Николая Алексеевича как-то неожиданно. Один из лучших институтских товарищей вдруг надумал жениться и пригласил Николая к себе на свадьбу. Николай для экономии поехал один без жены, но с каким-то странным и трепетным чувством, как будто это не просто поездка в красивый город на Неве, а некая сложная миссия, которую нужно исполнить с честью и до конца.

На свадьбе друга в празднично украшенном и просторном кафе Николай был безупречен. Мало пил, почти ничего не ел, зато много и занимательно рассказывал случайным соседям о своей провинциальной жизни. Старался выглядеть весельчаком, сыпал шутками и остротами, которые приготовил заранее. Занимал умными беседами каких-то бледных меланхолических дам, перезрелых лысеющих мужчин и кокетливых старушек. Всем старался понравиться, всем угодить, на всех произвести хорошее впечатление. И когда наконец вырвался из этого праздного водоворота, чтобы несколько часов побродить по музеям, то был уже на грани нервного срыва от странной дисгармонии в душе, оттого, что глухая скорбь излишне простой сельской жизни плохо гармонировала с красотой и великолепием города на Неве.

После свадьбы в первую очередь он решил посетить Русский музей. В просторных залах Русского музея он отдохнул и расслабился. Там как бы само собой, без особых усилий с его стороны, возникло в душе ощущение настоящего праздника. Да и могло ли быть иначе в цитадели русского искусства, где каждая картина странным образом напоминала о чём-то близком, очень родном, но, к сожалению, давно утраченном. Здесь даже портреты царей и цариц производили на Николая приятное во всех отношениях впечатление, как будто все они были вовсе не из блистательного рода Романовых, а из простого, можно сказать, пролетарского рода Голенициных.

Особенно яркое впечатление произвела на Николая Алексеевича российская императрица Екатерина Вторая, которая показалась ему такой пышной красавицей, что, помимо его воли, у Николая возникла ассоциация между ней и Татьяной Стерлядкиной. Он решил, что обе эти женщины чем-то очень похожи.

Таинственное чувство сопричастности к великой России не покидало Николая в просторных залах Серова, Врубеля и Куинджи, у полотен Репина и Васнецова. Порой, стоя перед их картинами, он недоумевал: отчего это все его знакомые учителя так хорошо знают истоки кровавых и беспощадных крестьянских бунтов, прокатившихся по России много лет назад, и так плохо представляют себе великое русское искусство? Чем объяснить их преклонение перед разрушительным действием толпы и равнодушие к людям, творящим необыкновенную красоту? В какой-то момент взволнованного созерцания картин, Николай вдруг понял, что, вероятно, всему виной всеобщее незнание библейских истин, яркий свет которых помогает соединить в одно целое человеческую природу и космический дух, бранные заботы земные и вечный смысл жизни на земле.

Потом Николай надолго замер у полотен Александра Иванова. Божественная ясность этих картин завороживала сельского учителя. Он стоял перед ними и не мог подавить в себе слёзный восторг. Дева Мария на одной из картин этого мастера снова напомнила ему Татьяну Стерлядкину. Недоступная простому пониманию, почти божественная красота Марии и натуральная (живая) слеза у неё на щеке растрогали его... Он не смог сдержать себя и расплакался от неожиданного приступа жалости к самому себе, такому беспомощному в любви и творчестве, не способному даже на самую малость — на решительный поступок ради любимой женщины. Николай сильно ссутулился, стал быстро и неумело промокать глаза платком. Это заметила старенькая смотрительница из соседнего зала. Она нерешительно подошла к нему, немного помолчала, а потом участливо спросила:

— Что это с вами, молодой человек?

— Не могу... Знаете, даже передать словами свои чувства не могу... Как это всё меня растревожило. Как переполнило.

— Что такое? Вы потеряли кого-нибудь недавно или вспомнили что-то грустное?

— Не могу объяснить... Даже объяснить не могу.

— Что не можете объяснить?

— Понимаете, я уже тридцать лет прожил, — начал Николай.

— А я семьдесят, — с иронией продолжила старушка.

— И за всю свою жизнь не видел ничего подобного. Понимаете? Я здесь в первый раз.

— Ну и что?

— Всё так глупо, знаете, так глупо устроено в нашей жизни!

— Что глупо?

— Ну, как вам объяснить... Я понять не могу, почему красота эта только здесь, в этих залах? А в душе её нет... Вот мы, к примеру, там в провинции, так мелко живём, так мелко, что даже не подозреваем, что такие великие шедевры у нас есть.

Николай широко и значительно повёл рукой, указывая на картины.

— Это всё надо видеть. А мы... там...

— Да как же, — не поняла его благообразная старушка, — многие сюда ездят из других городов. Очень многие. Зря вы так говорите.

Николай обиженно вскинул брови и стал энергично объяснять:

— Да если бы раньше лет на пять-десять я всё это увидел, может быть, вся жизнь у меня сложилась бы по-другому! Понимаете? Мы там, в провинции, живём бог знает чем. Какой-то пуританской философией, натуральным хозяйством да заботами о хлебе насущном. В трудах и заботах мы забываем обо всём.

— Так ведь и мы здесь живём так же. Тоже о пропитании заботимся, о детях, о будущей старости... Просто сегодня день такой выдался — неблагоприятный в геофизическом плане. И солнце с самого утра какое-то подозрительно яркое. Так бывает весной... К тому же не вы первый сегодня плачете тут, я вам скажу. Здесь рано утром до вас девушка одна расплакалась. Я её еле уговорила. Она тоже посмотрела вон там на Христа, на Марию и разрыдалась. Видно, грех большой в душе ощутила, а перед чистотой этой не смогла устоять... Я её успокоила, разговорила. С кем не случается! Милая такая девушка попалась. В душе, видать, совсем ребёнок ещё, а глаза уже скорбные... Хотя, может быть, день сегодня такой... Весна — пора магнитных бурь.

— Да сюда нужно каждый год ездить с детьми, с внуками. Это же такой заряд на будущее, такой урок! — продолжил запальчиво Николай. — Вы только посмотрите на эти лица! Посмотрите, какие личности! Сколько в них благородства! Какая внутренняя сила в глазах!

— Дворяне, небось! — отозвалась старушка.

— Ну и что? Это неважно. Главное, что в них сквозит одухотворённость. Они одним видом своим излучают достоинство.

Некоторое время после этого восклицания оба собеседника отчуждённо молчали и смотрели в разные стороны. Видно было, что благообразная старушка не до конца понимает провинциального учителя. Он уже давно перестал плакать и сейчас неловко шмыгал носом.

— А вы знаете, что такое натурализм? — вдруг с загадочной улыбкой на морщинистом лице спросила бабуса.

— В некотором смысле, — нашел подходящее слово Николай, чтобы не показаться полным профаном.

— Ну тогда вам надо сделать всего три шага. Вот сюда. Поближе к этой вещи. Внимательно присмотреться к ней, — и тогда вы непременно улыбнётесь.

С этими словами старушка подвела его к небольшой картине, на которой был изображён провинциальный русский город с множеством белокаменных церквей, тихих, немного тесноватых двориков, высоких заборов и людей, рассыпанных, как горох, по заснеженным улицам. Эту картину можно было разглядывать очень долго, так много разных предметов было на ней изображено. Тут были и нехитрые сценки из семейной жизни, где присутствуют простоватые мужики и бабы, горластые дети, худые кошки и вислоухие собаки. Здесь на куполе церковной колокольни сидели сонные вороны, какие-то удивительно крупные и упитанные. А на углу городской площади, около небольшого моста через овраг, стоя дремал краснорожий будочник, издали похожий на очень высокий и плохо начищенный медный самовар. В силуэте этого города и его обитателях Николай сразу уловил что-то своё, родное, что-то очень близкое сердцу всякого русского человека. Он уже готов был испытать к жителям города чувство ностальгической любви, как вдруг в левом нижнем углу картины приметил маленькую, но подозрительную фигурку. Нагнувшись и пристально рассмотрев её, Николай понял, что это, должно быть, пьяный мужичок, который присел за высоким забором, чтобы справить естественные надобности в самом неподобающем для этого месте. Причём детали посадки, мастерски подмеченные художником, не оставляли сомнений: этот скрюченный человек собирался нагадить в центре городка.

Николай с отвращением выпрямился, грустно посмотрел на благообразную улыбающуюся старушку и сказал:

— Да, действительно натурализм. — И тут же категорично добавил: — Но это для нашего времени не характерно... И вообще — гадость!

Старушка при этом недоуменно посмотрела на него, вся сморщилась и сделала губы коромыслом. Она явно не ожидала от молодого человека такой реакции.

А когда он поспешно стал удаляться от неё, она облегчённо вздохнула и еле слышно пробормотала:

— Сегодня день такой, наверное. Пора магнитных бурь.

Потом был новый зал. Вдох облегчения и нарастающий благоговейный восторг в душе Николая, желание непременно запомнить неброскую красоту России и насладиться ею. Вот только почему-то ощущения гармонии с увиденным уже не возникало, а взгляд, устремлённый на очередную картину с изображением провинции, как бы сам собой опасно опускался в левый нижний угол картины: нет ли там чего?

Ремесло

Когда цены на хлеб после злополучных гайдаровских реформ подскочили в десятки раз, а обыкновенные приличные брюки стали продаваться за огромные деньги, Николай впервые задумался о побочном заработке. Тех денег, что он получал в школе, для семьи стало не хватать. Нужно было искать какой-то выход. Обе дочери уже подросли. Колготки на них горели как в огне, капроновые куртки удивительно быстро пачкались, туфли через полгода становились малы, варежки терялись. В общем, Николай Алексеевич с тоской обнаружил, что его заработная плата — это ничтожный, можно сказать, нищенский заработок.

Он долго решал, чем бы ему заняться в свободное от работы время, и однажды вечером наконец объявил жене, что намеревается плести корзины или, на худой конец, мётлы вязать. Иного выхода нет. Правда, даже метлы вязать надо сначала научиться. Он никогда рукоделием всерьёз не увлекался. Но это дело несложное, надо полагать. Не боги горшки обжигают, как говорится.

В первый момент после этого объявления Анастасия Павловна удивлённо посмотрела на мужа, но после недолгого раздумья, кажется, согласилась с его доводами. Сказала:

— Ну что ж, занимайся мётлами, если, конечно, тебя это не обременит. Правда, я думаю, что на вязании мётел много не заработаешь. Это слишком утомительное дело для тебя. Да и в магазине они иногда продаются.

— Но я не вижу иного выхода, Настя! — запальчиво продолжил Николай. — Учителя сейчас никому не нужны. Ты сама видишь, что кругом творится. Каждый спасается, как может. Таковы законы рынка.

— Не рынка, а бардака, — поправила его жена. — Развалили Россию и сваливают всё на какие-то рыночные реформы. А где они проявились с хорошей-то стороны — никто знать не знает.

— Да как же, Настенька... Нет, неправильно ты говоришь... Вот я, например, в новую власть верю, я ей доверяю, — признался Николай. — Мы сейчас переживаем временные трудности. Вот потерпим ещё год-другой, а там всё пойдёт как по маслу. Рынок заработает, новые экономические отношения окрепнут. Мы с Европой подружимся, с Северной Америкой. Сейчас ведь ничто нам не мешает дружить. Мы тоже строим капитализм, точно так же, как они когда-то.

— Что-то не верится, — усомнилась Анастасия Павловна.

— Да как же. Вот даже я решил заняться предпринимательством в некотором смысле... Ты, Настя, даже не представляешь, какое это может получиться прибыльное дело — мётлы вязать. Вот, допустим, за день я мётел двадцать сделаю... Ведь так? Так. Да по десять рублей продам каждую. Ведь продам?

— Не знаю.

— Вот тебе и деньги, — продолжил Николай. — Лес-то у нас, слава Богу, под боком. Всего два шага шагнуть. А мы с тобой сидим тут сложа руки. Разве так можно, Настенька! Рынок тем и хорош, что предоставляет каждому равные возможности. Только трудись, не ленись, только проявляй свою инициативу, всё остальное приложится.

В общем, сразу после этого разговора Николай стал собираться в лес за берёзовым прутом. Благо что лес был рядом, всего метрах в тридцати от дома, так что тени огромных сосен под вечер доставали до крыльца. И всё же для похода за берёзовым прутом Николай снарядился, можно сказать, основательно. Нашёл в сарае широкие охотничьи лыжи, наточил удобный маленький топор, взял толстую верёвку, чтобы не давила плечо на обратном пути, когда он понесёт тяжёлую ношу берёзовых веток. Надел свободную фуфайку, чтобы не стесняла дви-

жений, и подшитые валенки, которые тесть подарил в прошлом году. Кто его знает, сколько он по лесу будет плутать. Может быть валенки-то эти и пригодятся.

Вышел из дому в девять часов утра и поспешил в глубь леса по узкой тропинке в снегу между сосен и елей, блестящих от инея, с улыбкой думая о том, как он удачно всё рассчитал, как ловко придумал. А если бы каждый человек в России сейчас чем-нибудь выгодным и полезным занялся, кроме своей основной работы. Если бы каждый открыл для себя что-то нужное, что-то новое, — возможно, в России давно бы наступило настоящее изобилие. Ведь работы-то кругом непечатый край! Не ленись только, дерзай, проявляй инициативу! Но нет, большинство русских людей удивительно пассивны. Они отсиживаются по своим углам. Чего-то всё выжидают, выгадывают. Хотя давно пора действовать, давно пора открывать своё дело. Разве это не ясно?

Рассуждая таким образом, Николай ушел далеко в лес, и обнаружил там первый густой березняк. С воодушевлением приблизился к нему, вытащил из-за пояса топор, отдышался, а потом оценивающе посмотрел вверх на густые красноватые вершины молодых берёз. И тут неожиданно понял, что до этих самых вершин ему просто так не добраться. Ствол-то у берёзы исключительно гладкий: метров на пять от земли нет ни одного сучка. Лезть на неё — всё равно что на телеграфный столб карабкаться.

Николай недоуменно почесал потной рукой за ухом и решил пройти по лесу чуть подальше, поискать низкорослый берёзовый молодняк. Он попробовал вспомнить, где он видел такой. Ведь много раз бродил по здешним лесам в поисках грибов и ягод. Но ничего подходящего почему-то не припомнил. Не всплывала в памяти картинка этого самого низкорослого березняка и всё тут.

Уже без улыбки и без праздных мыслей о лёгком заработке он прошёл по лесу ещё метров четыреста, потом ещё примерно столько же, вышел на широкую солнечную поляну, окаймлённую густым можжевельником, потом спустился в мрачноватую от густой тени пойму, вспотел, запыхался и присел на какой-то трухлявый пень дух перевести. Как назло, пень под ним треснул и сломался, а сил, чтобы подняться, уже не было. Так и остался Николай сидеть по пояс в снегу, смотреть по сторонам и слушать зимний лес. В вершинах сосен над ним шумел ветер. Шум ветра то приближался, то удалялся, как летний дождь, и в этом морозном дыхании было сейчас что-то тоскливое, что-то безнадёжное. Точно так же появляются и исчезают у Николая хорошие мысли и удачные сравнения. То и другое живёт недолго и зачастую просто теряется, встретившись с холодным порывом здравого смысла.

После короткого отдыха в снегу Николай нехотя встал и решил направиться ближе к лугам, к пойме Вятки, туда, где когда-то собирал с детьми шиповник. Кажется, там встречались ему одинокие небольшие берёзки, как раз такие, с которых легче всего заготовить березовый прут. Но для этого ему пришлось пересечь по диагонали широкое, покрытое льдом болотце, потом — густой заснеженный ельник с мелкой липой в подлеске. Потом он снова попал в высокий и гулкий сосняк, как в некий храм с голубыми тенями по чистому белому снегу. В матером сосняке рос повсюду крупный можжевельник, а низкорослых берёз не было видно вовсе. Густые синеватые копыны можжевельника как-то особенно ярко вспыхивали под солнцем тут и там. Под ногами мерно поскрипывал снег, где-то вверху отбивал свою дробь невидимый дятел. Небо сквозь сосновые вершины казалось почему-то удивительно ярким и далёким, каким-то пугающе безразличным.

Потом на пути Николая оказалась незнакомая речка, одиноко петляющая в холодной ложине меж двух неуютных холмов. Пойма речки была завалена свежим осинником. Огромные деревья беспорядочно громоздились друг на друга, создавая нечто похожее на могильные курганы. Вероятно, здесь прошлым летом хорошо потрудились бобры.

Переход через ложину с речкой в завалах осины отнял много времени. Николай совершенно выбился из сил, вспотел и по солнцу определил, что скоро обед, а он, как назло, ничего

с собой не прихватил: ни хлеба, ни колбасы, ни термоса с чаем. Зато где-то за речкой, за ближним холмом, непременно должны были показаться знакомые места, где он немного отдохнёт и начнёт готовить берёзовый прут для метел.

Но не тут-то было. С высокого бугра, куда он с большим трудом забрался, к немалому удивлению своему, Николай ничего знакомого не увидел. Кругом, насколько хватало глаз, тянулся бескрайний дремучий еловый лес. А ещё через какое-то время Николай отчётливо осознал, что заблудился, и сейчас у него выход только один: пока светит солнце, пока видно лыжню — возвращаться по старой дороге обратно. Причём чем быстрее, тем лучше. Он представил себе, сколько километров нужно будет ему преодолеть, чтобы добраться до дома, и у него от растерянности и бессилия тут же подкосились ноги. Он присел на корточки, снял с потной головы тяжёлую меховую шапку и обречённо вздохнул. Казалось, силы покинули его. Нет больше сил...

Хорошо, что Анастасия Павловна у него женщина интеллигентная. Увидев мужа без метел и без шапки, всего какого-то заснеженного и хмурого, едва стоящего на ногах, она не стала над ним подшучивать, не стала даже расспрашивать ни о чём. Всё и так было понятно. Просто озорно блеснула на него своими синими глазами и отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

Николай в изнеможении рухнул на диван и, выдержав приличную паузу, заговорил с явным раздражением в голосе.

— Ничего из моей затеи не вышло...

— И что ты будешь делать сейчас? — полушутливым тоном спросила жена.

— Бастовать надо, Настя! Вот что. Бастовать! На митинги выходить, на пикеты. Все кругом бастуют, а мы почему-то стоим в стороне. Нехорошо это, неправильно! Шахтёрам, вон, давно уже добавили зарплату. Это потому, что они не сидят сложа руки. А мы за свой тяжёлый труд получаем меньше, чем, чем... любой рабочий на заводе. Разве это справедливо? Для чего тогда, спрашивается, все эти реформы? Весь этот сыр-бор, если хороший, честный учитель живёт хуже всех!

— А я тебе что говорила...

Николай почувствовал, что его слушают, его понимают, и сразу заговорил с ещё большим энтузиазмом и жаром.

— По всей стране организованно повышают цены, Настенька, и при этом всю разгильщуют о рынке. Ну какой к черту рынок, если у нас никакой конкуренции нет! Ни одного нового предприятия в округе не возникло... Кто будет цены-то снижать и как?

— Это точно. У нас всегда так. Нигде порядка нет.

— А почему? — почти выкрикнул Николай.

— Почему? — переспросила Анастасия.

— Потому что нет в России у власти настоящих политиков. Все наши руководители — дилетанты: писатели разные, учёные да журналисты. Чего от них ждать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.